

Воспоминания

А. М. Гордин

Псков моего детства (1918–1925 гг.)

30 октября 2013 г. исполнилось сто лет уроженцу Пскова — литературоведу, музейному работнику и педагогу Аркадию Моисеевичу Гордину (1913–1997). В связи с этой датой журнал публикует его неоконченные воспоминания, посвященные родному городу.

Мысль написать воспоминания о городе своего детства существовала у Аркадия Моисеевича давно. К сожалению, в последние годы жизни болезнь и кончина жены, которую он тяжело переживал, помешали ему продолжить работу над начатыми набросками.

Публикуемый отрывок представляет собой лишь расшифровку магнитофонной записи, надиктованной всего за несколько недель и даже дней до смерти. Сколько интересных рассказов, увы, осталось не записано! О «Рыбниках» и «кондитерской Румеля», из которой «на всю Сергиевскую улицу пахло пирожными», о школе и спектаклях в Народном доме, или еще о занятном старичке, над которым они, дети, жестоко потешались, посылая ему записочки от неизвестной дамы, назначавшей свидания в Летнем саду...

Ал. М. Гордин

Аркадий Гордин в детстве

Город Псков времени моего детства был довольно обычным русским губернским городом конца XIX века, если не считать того, что город это древний, и в нем множество замечательных древних русских памятников, а также того, что он находился очень близко от столицы России — Петербурга, что не могло не отражаться в его жизни.

Улица, на которой я родился и прожил первые годы своей жизни, называлась Кахановский бульвар. Название это он получил, вероятно, по фамилии одного из губернаторов города, Каханова. Такой действительно существовал.

Это был настоящий бульвар, который тянулся почти от вокзала (по крайней мере, от привокзальной улицы), до центра города — до Стенной улицы, где начиналась центральная Сергиевская улица. В четыре ряда росли большие, разнообразные, красивые деревья, а центральную часть составляла широкая аллея, очень красивая сама по себе, окруженная этими замечательными деревьями. Центр улицы занимала широкая мосто-

вая, вымощенная булыжником, по которой было довольно активное движение в разных направлениях. Своеобразие бульвара заключалось в том, что левая его часть (если смотреть от Вокзальной к центру города) была насыпной. И она сильно возвышалась над той частью [прилегающей] стороны улицы, которая была предназначена для пешеходов. Вероятно, насыпь была сделана тогда, когда в городе был проведен трамвай, а может быть и раньше. Маленькие вагончики шныряли по этой стороне улицы в одном направлении, то есть это был один вагон, который доходил до определенного места, дожидался там встречного, потом проходил встречный. Движение было, конечно, очень медленное, но это был единственный, кроме извозчиков, транспорт, которым пользовались псковичи, и пользовались очень активно. В каждом вагоне сидел кондуктор с большой сумкой сбоку и целой серией разноцветных билетов. Каждый участок имел билет своего цвета. Стоимость билетов была недорогая, поэтому трамваем пользовались постоянно все жители города. Он шел от вокзала, по центру и дальше на Запсковье. Таким образом, можно было, пользуясь трамваем, попасть практически в любой участок города.

По нижней части улицы располагались в основном небольшие деревянные дома и такие же небольшие деревянные лавки. Только недалеко от Вокзальной улицы возвышалось недостроенное, грандиозное по псковским масштабам, здание губернского суда. Оно было не достроено, и в 18-му году мы, ребята соседних домов, активно использовали его для своих игр. За этим зданием простирался большой плац, который служил местом учения воинских частей, которые дислоцировались в Иркутских казармах, расположенных напротив.

Дальше, повторяю, шли небольшие деревянные домики, лавки, лари, где можно было купить все, начиная от хлеба и кончая сальными свечами, где продавали конфеты с изображением на фантиках почему-то болгарских королей. Так, во всяком случае, они назывались. Очень яркие, красивые фантики, ради которых мы и покупали там эти конфеты. В конце этой части бульвара возвышалось большое красивое четырехэтажное здание

реального училища. Это было большое учебное заведение, где обучались сотни псковских юношей, и из которого вышло немало известных впоследствии деятелей Пскова, да и не только его. Это реальное училище граничило со Стенной улицей, за которой начиналась центральная улица города — Сергиевская. Дальше на углу стояла небольшая старая церквушка с отдельной колокольней, тоже очень занятой формы. И дальше уже шла улица совсем другого характера.

По другой стороне Кахановского бульвара, там, где в четыре ряда были посажены прекрасные деревья, шли большие каменные постройки. От Вокзальной улицы целый большой участок занимали Иркутские казармы. Это был целый городок с казармами и флигелями из красного кирпича. В мое время там располагалась кавалерийская часть. Дальше по улице, за Иркутскими казармами шло большое белокаменное здание тюрьмы, за ней небольшой участок занимал частный дом, где жила одна семья. И следующий дом, под № 22, трёхэтажный, принадлежал местному архитектору Ильешеву, который построил его по своему проекту в стиле модерн или близком к модерну, где сдавались довольно дорогие квартиры и где жила его собственная семья... . Вслед за этим домом тянулось длинное красно-кирпичное здание, которое носило непонятное нам тогда название «винных складов». Что это означало, были ли это действительно склады вин? Но это было большое здание, правда, невысокое — можно сказать, в полтора этажа максимум, но очень просторное, занимавшее и часть Кохановского бульвара, и улицы, на которую оно еще выходило другой стороной. Вслед за этим, через улицу, стоял большой красивый в стиле модерн, дом купца Борхова. Дом этот сохранился поныне. За ним — большое, белое, трехэтажное и длинное здание, принадлежавшее владельцу нескольких псковских домов, весьма богатому немцу Карлу Гельдту. И дальше шли каменные, небольшие, но не меньше, чем в два этажа, каменные, белого цвета здания, которые доходили почти до самой Сергиевской улицы. На углу Сергиевской и Стенной улиц было место, где собиралась молодежь. Там стоял садовый диван, на этом же углу стоял обычно мороженщик,

который из ящика торговал мороженым. Там же можно было всегда найти извозчика. Это было очень людное место города. Дальше начиналась [Сергиевская улица] — большим каменным некрашеным, красного кирпича зданием, которое сохранилось до наших дней. Оно выходило одной стороной на Стенную, другой же на Сергиевскую улицу.

большое, очень удобное внутри, возведенное в середине XIX в. И с большим рестораном. Если состоятельные люди хотели, что называется, покутить или угостить гостей, то брали извозчика и отправлялись на вокзал, в вокзальный ресторан. Это был самый лучший ресторан в городе, мало уступающий столичным ресторанам...

Дом, в котором родился и провёл детские годы А. Гордин.
(Ныне — Октябрьский проспект, д. 46)

Достопримечательностью Кахановского бульвара, именно как улицы, была также велосипедная дорожка. Я не знаю, была ли такая где-нибудь еще. Вдоль всей улицы, от Сергиевской до Вокзальной, параллельно бульвару шла неширокая дорожка, хорошо утоптанная и отделанная, которая предназначалась специально для велосипедов. И надо сказать, что в моих воспоминаниях она осталась очень живо, потому что мои братья и товарищи моих братьев часто катали меня на велосипеде по этой велосипедной дорожке. Она была очень ровной, выходила на Вокзальную улицу, и если свернуть направо, то сразу выходили на Вокзальную площадь. Это была большая площадь, с одной стороны она граничила с довольно симпатичным садиком, можно сказать даже садом, потому что он был довольно велик — с дорожками, диванами, а с другой стояло здание вокзала — тоже

Продолжая свой рассказ хронологически, я хочу остановиться на настоящей достопримечательности города — Летнем саде. Это действительно достойный упоминания [сад]. Он был большой, тянулся вдоль Стенной улицы и дальше вглубь за домами. Он был разнообразный по составу деревьев, по архитектуре. Это были не просто насаженные деревья, а специальные аллеи — одна выше, другая ниже. На краю сада стояло большое деревянное здание Летнего театра, где выступали все выдающиеся артисты, которые гастролировали во Пскове, начиная с Шаляпина. Шаляпин дал в свое время (в 1920 г.) два концерта в Пскове, которые остались в памяти псковичей навсегда. Были и другие замечательные гастролеры. Так, запомнилась гастроль актера Александринского театра Певцова, который потом прославился в роли Тартюфа и многих других ролях. Там

впервые была поставлена драма Мережковского «Павел Первый», и Павла играл Певцов. Играл гениально. Сцена убийства Павла потрясла зрителей, о ней долго говорили. ... Меня взяли на этот спектакль, что бывало довольно редко, я спрятал голову под руку мамы, чтобы не видеть то, что там происходило. Это была просто потрясающая сцена. Когда потом, уже в наши дни Олег Борисов, замечательный актер, говорил, что он первый исполнял роль Павла, он ошибался. Он не знал, что Певцов исполнял эту роль просто гениально.

Была во Пскове и своя труппа, постоянная, которая зимой выступала в Народном доме. И был талантливый режиссер, потом подвизавшийся в Москве и Петрограде. Помоему, одно время он был даже режиссером Московского Художественного Театра. Некоторые его постановки были оригинальны и очень интересны, и псковичи охотно посещали спектакли своей местной псковской труппы.

Летом Псков наводнялся студентами, главным образом, из Петрограда (своих студентов-псковичей было мало), и вот тогда Летний сад становился особенно людным, веселым и интересным. Играли студенческие оркестры, пели студенческие хоры, устраивались балы. В общем, было очень занимательно, интересно и весело. И это продолжалось в течение почти всего лета. Несмотря на тяжелое время молодежь охотно приезжала в Псков и охотно пользовалась Летним садом. А днем в Летнем саду гуляли и играли дети, и это было большим удовольствием. Надо сказать, что город был зеленый. Не говоря уже о бульваре, о котором шла речь, по всему городу было очень много садов и садиков: Губернаторский, Кутузовский... Кутузовский сад был центром спортивной жизни города. Там устраивались соревнования, в частности, соревнования французской борьбы. Почему-то она была очень популярна. И у нас, у ребят [тоже].

А Губернаторский садик, выходящий прямо на Сергиевскую улицу, был украшением города и очень хорошо содержался. Назывался он так потому, что за этим садиком поднималось здание бывшего дома губернатора. Сначала оно было другим, а потом было

перестроено, и в мое время это было уже то здание, которое существует до сих пор. Там потом находилась областная библиотека.

Вообще, все улицы были усажены деревьями. И потому, что город был очень зеленый, то и дышалось в нем хорошо, и выглядел он весьма неплохо, особенно в летнее время.

Какие события первых лет моих воспоминаний остались у меня особенно в памяти? Ну, прежде всего, 18-й год. Немцы в Пскове.

Я помню ночь, когда меня, закутанного в одеяло, поднесли к окну (свет, конечно, был всюду погашен) и наблюдали, как по Кахановскому бульвару, к центру города стройными рядами шли немецкие солдаты. На следующее утро появилось объявление немецкого коменданта, и некоторое время немцы были хозяевами города. Плескау, как они называли Псков. В нашем доме на Кахановском бульваре, в первом этаже была кантина, где торговали, главным образом, хлебом, булкой, сладостями, конфетами, пирожными. И немецкая молодежь, которая посещала эту самую кантину, очень охотно нас, ребятишек угощала купленными там конфетами. Это были совсем другие немцы, чем те, с которыми мне приходилось, в частности, самому встречаться много лет спустя.

Многие мои воспоминания связаны с Иркутскими казармами. Запомнились, во-первых, чрезвычайно интересные кавалерийские маневры, которые устраивались на большом плацу напротив. Там на ходу рубили молоденькие деревца, показывали особую лихость в действии шашкой. Нас очень забавляли командиры. Главный командир был худой, высокого роста, а его помощник — маленький и толстый. И когда в начале маневров этот маленький толстый отдавал рапорт высокому и худому, мы всегда старались в это время попасть туда, чтобы вдоволь посмеяться. Это было очень смешно. Но, надо сказать, что лошадьми они владели все великолепно, и эти маневры, которые там устраивались, были чрезвычайно интересны.

В этих Иркутских казармах жены командиров устраивали культурно-просветительные мероприятия для жителей города и, в первую очередь, для своего собственного состава. Мне особенно запомнился один

спектакль. Не помню, какая это была пьеса, но эпизод был такой. Я с няней гулял по Кахановскому бульвару, к нам подошла симпатичная молодая женщина, спросила, кто я, откуда, сказала, что она жена не то полковника, не то (тогда не было полковников) командира какой-то части, что у них готовится спектакль, и нужен мальчик, который бы вбегал [на сцену], бросался к матери с какими-то словами... И не согласится ли моя мама отпустить меня на этот вечер? Няня дала адрес, женщина эта пошла к нам. Мама согласилась, и я принял участие в этом спектакле. Мне нужно было выбежать на сцену, броситься к моей якобы матери со слезами, какими-то просьбами, жалобами. Все прошло очень удачно, меня накормили сладостями, и я очень гордился тем, что принимал участие в таком спектакле. Надо сказать, что даже в эти первые годы, когда не закончилась гражданская война, город продолжал жить какой-то не совсем ординарной жизнью: шли спектакли, продавали книги, выступали приезжие гастролеры. Это было еще до окончания гражданской войны, которая в Пскове была жестокой, и особенно в первые годы. Я это почувствовал и запомнил на всю жизнь, потому что двое моих братьев были убежденными коммунистами, активными участниками строительства новой власти. Владимир одно время работал в редакции местной газеты «Псковский набат», и отец даже несколько настороженно относился к тому, что тот получал заработную плату больше, чем он, работавший в своем Лесном управлении. Он был делегатом III съезда комсомола, рассказывал, как их снаряжали, как выдавали паек из трех селедок и полкило хлеба, как они ездили в Москву. Второй брат, Арнольд, был человеком более опытным. Он был активным участником партийной организации, и когда наступали белые, а происходило это довольно часто: то какая-нибудь банда врывается в город, то части Юденича подходили к самому городу, — приходилось активным коммунистам эвакуироваться очень поспешно. Для этого всегда был наготове состав — и бронепоезд стоял, и обыкновенный поезд. Бывали случаи очень тяжкие для нашей семьи, когда прибегали и говорили, что, вот, последний поезд, которым уезжали активисты-комму-

нисты из города, потерпел крушение, что его разбомбили. Такие сообщения были трагедией, особенно для моих родителей. Но, к счастью, оказывалось, что это не так. Особенно печальным был эпизод во время, когда город занимала банда Булак-Булаховича.¹ Он управлялся очень жестоко, причём мало вдумывался, с кем он ведёт борьбу. Если ему не нравился какой-то человек, он отдавал приказ его повесить. Поэтому вдоль Сергиевской улицы мало было таких столбов, на которых не висел бы в течение длительного времени какой-нибудь повешенный. Это было довольно страшное время, но непродолжительное: Булак-Булахович долго не удержался в Пскове, его разбили, и он отступил в Прибалтику. Но кроме Булак-Булаховича были и другие банды и, повторяю, части Юденича, которые наступали на Псков. Часто менялась власть. У хозяйки нашего дома в сарае стояли два флага: один трехцветный, другой красный с серпом и молотом, и она вывешивала тот флаг, который подходил к данному случаю. Потому что вывешивать флаги приказывали обязательно, в зависимости от того, какая была в городе власть.

Из первых лет гражданской войны особенно памятными остались два события. Запомнилось то, как взрывали тюрьму, находившуюся, как я уже говорил, совсем близко от нашего дома. Всё кругом дрожало, из многих окон вылетали стекла, люди попрятались по подвалам. Меня обернули в одеяло и тоже отнесли в подвал. Там были небольшие окошки, через которых можно было наблюдать огненное пламя, которое охватило наш Кахановский бульвар.² Второе событие тоже связано с взрывом, но это было еще более грандиозное зрелище. Взрывали большие пороховые склады, расположенные на окраине Пскова, недалеко от железной дороги и вокзала, оставшиеся со времен первой мировой войны. Кто взрывал, сказать не могу, но в течение почти суток город был объят огненно-красным [заревом]...

И еще об одном эпизоде. Мы с моими приятелями по дому пускали кораблики на ручье, протекавшем вдоль винного склада. Неожиданно из-за поворота к вокзалу выехала группа всадников. Впереди, на большом рыжем жеребце сидел широкоплечий чело-

век с кубанкой на голове и буркой на плечах. И кто-то из проходящих мимо сказал: «Смотри — Булахович!». Это был Булак-Булахович, который после ухода немцев со своей бандой захватил Псков и некоторое время в нем хозяйничал. Рядом с ним, на коне такой же высоты, но другой масти, ехала женщина в военном костюме. По всей вероятности, это была его жена. Мы попрятались за деревья и из-за них наблюдали этих людей. За ними шествовал небольшой отряд — меньше сотни всадников, но на очень хороших конях и очень хорошо, по-военному одетых. Они проехали по нашему бульвару от вокзала к центру города.

На нашем Кахановском бульваре жило довольно много интересных людей. Я упомяну лишь одного человека, который потом стал своего рода достопримечательностью Пскова. Это был Ларионов, который занимался потом краеведением, писал книжки о Пскове и был видным общественным деятелем. По профессии он был художник. Ему принадлежал один из тех маленьких деревянных домиков, которые стояли по левой стороне Кохановского бульвара, о которых я уже говорил. Однажды, увидев меня на улице, в красной рубашке (Я тогда часто носил разноцветные косоворотки), он подозвал меня и сказал: «Хочешь, я тебя нарисую?» Мне это было очень интересно, и я пошёл за ним в его дом. Возле дома был садик, довольно большой огород. Он меня положил где-то там среди грядок, устроился около дома и стал рисовать. Прележал я там довольно долго. Потом он меня позвал, и я подумал, что сейчас увижу, какой я интересный, и как это здорово все получилось. И что же я увидел? Красное пятно! Оказывается, ему был нужен вовсе не я, а для сочетания цветов в рисунке просто требовался красный цвет, для чего он меня и позвал. В этом и заключалась вся моя роль. Меня это страшно расстроило и осталось в памяти на всю жизнь.

Жили в этих домиках, как и в большом доме, принадлежавшем Гельдту, и в котором размещались разные учреждения, где была лавка, где выдавали по карточкам хлеб, и мы стояли за ним в очереди, многие учителя, преподаватели землемерного училища, врачи, другие представители интеллигенции.

Довольно интересными людьми был заселен и наш дом, в котором я родился и жил — дом Ильяшева, 22 по Кахановскому бульвару. Он был трехэтажный, с большим балконом, и в нем было первоначально шесть больших квартир — на каждом этаже по две. Кто жил в левой стороне первого этажа, я не помню, но всю правую сторону занимали хозяева. Самого Ильяшева уже не было в живых, но проживала его жена с детьми. У Ильяшевых было три сына — потом они встречались мне в Ленинграде, один из них был директором книжного магазина на Литейном. И были еще две дочери. Была еще старушка, которая жила у них много-много лет. Была, таким образом, большая семья, очень шумная: двери по большей части были открыты, и шум раздавался по всему дому.

Поскольку это были хозяева, у них был внутри двора свой палисадник, вроде небольшого сада, где росли ягодные кусты и плодовые деревья. Двор же был огромный, за ним начинался такой же большой двор другого дома, который был отделен проволочным ограждением. Цепь сараев занимала одну сторону, а на другой были ледники. Свой ледник имела почти каждая квартира, они были глубокими, и туда надо было спускаться по лестнице. Зимой ледник набивался льдом, который держался до следующей весны.

Двор зарос высокой травой, и в этой траве мы устраивали игры, особенно увлекались военными играми. Увлекались мы и борцами, — это была какая-то страсть. Вырезали из картона таких [борцов], раскрашивали и устраивали бои. Вероятно, это потому, что такие [бои] бывали на самом деле в Кутузовском садике, и мы могли это часто наблюдать. Но военные игры были специфические, они были связаны с первой мировой войной. Можно было купить нарисованные на картонных маленьких листках [фигурки] разных чинов русской и немецкой армии — это были раскрашенные литографии, как я понимаю, очень неплохо выполненные. И вот, пользуясь этими картонными фигурами, мы устраивали засады и вели «бои». Двор был местом нашего постоянного пребывания, наших постоянных игр.

Во втором этаже, с левой стороны, была наша квартира, а напротив — квартира

Раппопортов, очень интеллигентных людей. Дети учились в Петрограде, мать их была очень симпатичная интеллигентная женщина, но очень больная, которая постоянно, как только можно было, выходила на балкон. Интересно, что перед балконом была комната, куда можно было выйти из одной, из другой квартиры, а уже потом из этой комнаты был вход на балкон.³

Потом Раппопорт умерла, говорили, что от водянки. Человеком она была в городе известным, поэтому за дрогами шло очень мно-

го народа. И по дороге, около канавы, стоял парень. Все слышали, как он спросил: «Кого везут?». Ну, кто-то сказал. Он расхохотался: «Ну, слава Богу, одной жидовкой у нас в Пскове меньше». Тогда сын этой Раппопорт, услышав эти слова, подошел в парню и отпустил ему такую оплеуху, что тот повалился в канаву и долго не мог оттуда выбраться. Нас, мальчишек, которые бегали кругом возле толпы, это очень забавляло. А парень был обескуражен: он никак не ожидал такой реакции ...

Примечания

- ¹ Имеется в виду эпизод, когда, как рассказывал Аркадий Моисеевич, к матери Марии Антоновне прибежала соседка и сообщила: «Идите на площадь, там вешают вашего сына». Мама в ужасе побежала на площадь: оказалось, действительно вешали, но не ее сына, а совсем другого человека.
- ² «А Мосей Гаврилыч, — добавлял в другой раз про отца Аркадий Моисеевич, — велел затопить ванну и решил ее принимать. Его это совершенно не волновало. Он был очень мужественный человек: что будет, то будет, в подвал он не спускался ни разу».
- ³ Аркадий Моисеевич вспоминал, что самый старший брат, Александр, и приходившие к нему гимназические приятели — сын учителя математики Коля Крейтер и сын товарища прокурора Кирилл Грин (владелец «говорящего» бульдога), «вели всякие разговоры, споры, главным образом на балконе, садясь на его край. И я кричал криком до истерики. Мне безумно было страшно, что они могут упасть с этого самого балкона».